

Филофей

**Филофея, патриарха Константинопольского
XIV века три речи к епископу Игнатию**

**с объяснением изречения притчей: премудрость
созда себе дом и проч.**

УДК 93
ББК 63.3
Ф56

Филофей
Ф56 Филофея, патриарха Константинопольского XIV века три речи к епископу Игнатию: с объяснением изречения притчей: премудрость созда себе дом и проч. / Филофей – М.: Книга по Требованию, 2024. – 140 с.

ISBN 978-5-458-10349-7

Патриарх Конст. Филофей, по прозванию Коккин, два раза занимал конст. патриаршую кафедру: в первый раз весьма короткое время, с мая 1354 до начала 1355, когда должен был уступить патриарху Каллисту; во второй раз, по смерти Каллиста, с февраля 1364 до сентября или октября 1376 года, когда скончался.

ISBN 978-5-458-10349-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Τῷ συνεπισκόπῳ Ἰγνατίῳ Φιλόθεος
πατριάρχης

Εἰς τὸ ῥητὸν τῶν Παροιμιῶν ἡ
σοφία ὑποδόμησεν ἑαυτῇ οἶκον, καὶ
ὑπήρξε στύλους ἑπτά.

Λόγος πρῶτος.

1. Σὺ μὲν ἱερεὶ τοῦ Θεοῦ ἄνθρωπε καὶ θεῶν κοινωνῆ μυστηρίων, ἀρχὴν σοφίας τὴν ἄνω τε καὶ πρώτην κτησάμενος, κατὰ τὸν σοφὸν εἰπεῖν Σολομῶντα, καὶ καθαρῶτάτῳ τῷ καὶ τῶν παθῶν ἐλευθέρῳ τοῖς ἱεροῖς ἐκείνης μυστηρίοις ἐμφιλοχωρῶν ὁσημέραι, καὶ τὸ βαθὺ καὶ ἀκατάληπτον αὐτῆς ἐνοῶν, εἴπερ τις τῶν πάντων, οὐ πάυη πᾶσιν ἔργοις τε καὶ λόγοις ὡς εἰκὸς τὸ κατ' αὐτὴν ἐκζητῶν ὑπὲρ χρυσίον καὶ λίθον τίμιον πολὺν, κατ' αὐτὴν ἐκείνην εἰπεῖν. Ἐπεὶ καὶ ἐφίλησας αὐτὴν καὶ νόμφην ἱεράν τε καὶ ἄφθαρτον ἐζήτησας ἀγαγέσθαι σαυτῷ κατὰ τὸν σοφὸν φημι τοῦτον, διὸ καὶ τὴν ὑψηλὴν ἐκείνην καὶ σοφὴν ὄντως εἰκόνα, ἣν ἐν Παροιμίαις περὶ ἐκείνης αὐτὸς ἀναπλάττει τὴν σοφίαν αὐτὴν ἐκείνην εἰσάγων τῷ λόγῳ οἶκον ἑαυτῇ τινα κτίζουσαν, ἑπτὰ διαβασταζόμενον

Φιλοθεῖ πατριάρχης соепископу Игнатію.

На изреченіе Притчей: *Премудрость созда себѣ домъ, и утверди столбовъ семь* (Притч. IX, 1).

Слово первое.

1. Ты, священный человекъ Божій и общникъ таинъ божественныхъ, стяжавши высшее и первое начало мудрости (Прит. 1, 7), скажемъ словами мудраго Соломона, и каждодневно размышляя о священныхъ ея тайнахъ умомъ чистымъ и свободнымъ отъ страстей, и вникая, какъ върядъ ли кто другой, въ глубину и непостижимость ея, не перестаешь, какъ и подобаетъ, всѣми словами и дѣлами доискиваться ея больше, чѣмъ золота и множества камней драгоценныхъ (Притч. VIII, 10. 19), выразимся еяже словами. Такъ какъ ты и полюбилъ ее и пожелалъ взять ее въ священную и нетлѣнную невѣсту себѣ (Прем. VIII, 2), по примѣру сего пре-

στόλοις, θύματά τε τὰ ἑαυτῆς σφα-
τουσαν καὶ κρατῆρα κερνώσαν, καὶ δὴ
καὶ φιλοτίμως ἐντεῦθεν τὴν ἰδίαν
ἐτοιμάζουσαν τράπεζαν, καὶ μεθ' ὑψη-
λοῦ τοῦ κηρύγματος συγκαλοῦσαν τοὺς
δαιτυμόνας, καὶ ὅσα ἐξῆς τοῦ καινοῦ
δράματος καὶ τῶν συμβόλων ἐκείνων,
ταῦτα τοίνυν τοῖς ἀμαθέσιν ἡμῖν καὶ
τὴν ψυχὴν ἀπαιδεύτοις προθέμενος,
διασαφῆσαι προετρέψω τῷ λόγῳ καὶ
τὴν ἐν τῷ βάλει κεκρυμμένην ἔννοιαν
εἰς τὸ μφανές παραγαγεῖν καθόσον
οἴοντες, καλῶς γε ποιῶν ἅν τούτῳ
καὶ σουτοῦ καὶ τῆς σῆς περὶ τὰ κάλ-
λιστα σπουδῆς ὄντως ἀξίως. Ἐγὼ δὲ
τοσοῦδε μεγέθους πράγματος πλεῖστον
ὄσον ἀφροσύνης καὶ τῶν τῆς θείας
σοφίας ὀργίων οὐχ ὅπως ἀτέλεστος
ὢν, ἀλλὰ μηδὲ τῶν προθύρων μηδὲ
γε τῶν ἱερῶν ταύτης οὐδῶν ἐπιβε-
βηκῶς, μηδ' ὅπως οὐδ' εἰς γὰρ κακώ-
τεχρόν φησι ψυχὴν σοφία οὐκ εἰσε-
λεύσεται, οὐδ' ἐν ὑποχρέω ἀμαρτίας
σώματα κατοικήσει τὸν λόγον ἀνεβαλ-
λόμην ἐπὶ πολὺ, μὴ καὶ τῆς παροιμίας
ἐκείνης ἐπιπληκτικώτερόν πως ἀκού-
σαιμι, τὸν ἱατρὸν δεῖν λεγούσης πρὸ
τῶν ἄλλων θεραπεύειν αὐτὸν ἑαυτόν.
Ἡὲν ἀπεσχόμεν εἰ ἴσθι διὰ ταῦτα
τοῦ λόγου, μὴ τῆς σῆς ἐπικειμένης
ἀνάγκης καὶ διηνεκῶς πληττούσης
ἡμᾶς τοῖς ὀνειδέσει καθαπερεῖ τι
κέντρῳ, καὶ ὡσανεὶ τι χρέος μέγιστόν
τε καὶ ἀπαραίτητον σφοδρῶς ἀπαιτού-
σης τὸν λόγον, φέρε τοιγαροῦν τῇ σῇ
πίστει τεθαρρήκότες, ἥτις ἄρα καὶ
ὄρη κατὰ τοὺς θεῖους χρησμούς δύνα-
ται μεταφέρειν, ἀψόμεθα τῆς ἐρμη-
νεύειας τῶν προτεθέντων καὶ μάλιστα
ὅτι τῶν μὲν ἡμετέρων ὀλιγά τινα καὶ

мудраго, то и высокій оный и
искусный воистину образъ ея,
какой онъ въ Притчахъ начер-
тываетъ, въ своемъ очеркѣ пред-
ставляя оную мудрость созидаю-
щею себѣ иѣкій домъ, поддер-
живаемый семью столпами, зака-
ляющею жертвы свои и раство-
ряющею вино свое и щедро за-
тѣмъ уготовляющею свою трапе-
зу, и проповѣданіемъ съ возвы-
шенностей созывающею гостей, и
прочее продолженіе этого новаго
представленія и символовъ тѣхъ, --
все это наконецъ предложивши
намъ неученымъ и по уму неис-
куснымъ, просилъ выяснитъ въ
книгѣ, и сокровенную въ глуби-
нѣ мысль вывести по возможно-
сти наружу, и въ этомъ хорошо
поступая и вполне достойно те-
бя и твоего стремленія къ прек-
расному. Я же, весьма не соот-
вѣтствуя такому великому дѣлу
и въ тайны Божественной пре-
мудрости не только не посвящен-
ный, но и преддверій и свя-
щенныхъ пороговъ ея нисколько
не достигшій (потому что, гово-
ритъ, *въ лукавую душу не вой-
детъ премудрость, и не бу-
детъ обитать въ тьмѣ, пора-
бощенномъ грѣху*—Прем. 1, 4),
надолго медлилъ отвѣтомъ, чтобы
какъ нибудь не услышать ук-
ризы той притчи, говорящей:
врачу надлежитъ прежде дру-
гихъ врачевать самого себя (Лук.
IV, 23). И поэтому, завѣрное
знай, я не сталъ бы отвѣчать,

μικρά, τὰ πλείω δὲ τῶν σοφῶν ἐροῦμεν μυσταγωγῶν καὶ πατέρων, θείῳ δηλαδὴ πνεύματι φιλοσοφησάντων ἐκεῖνα, παθόντων τὲ καὶ μαθόντων, ὡσπερ ἐχρῆν τοὺς τοιούτους τάγε τοιαῦτα καὶ παθεῖν. Μᾶλλον δὲ, ἐκείνων τὰ πάντα, παρ' ὧν καὶ ἡμεῖς ἔχομεν ἐκμαθόντες, εἴ τί που τῶν δεόντων καὶ μαθεῖν ἔσχομεν.

2. Ἡ σοφία φησὶν ὠκοδόμησεν ἑαυτῇ οἶκον, καὶ ὑπήρξε στύλους ἑπτὰ· ἔσφαξε τὰ ἑαυτῆς θύματα, καὶ ἐκέρασεν εἰς κρατῆρα τὸν ἑαυτῆς οἶνον, καὶ ἠτοιμάσατο τὴν ἑαυτῆς τράπεζαν.

Τῆς τῶν Παροιμιῶν μὲν ἐστὶν ἱερᾶς ταυτὶ βίβλου, καθάπερ οἶσα. Πατὴρ δ' ἐκείνης ὁ σοφώτατος Σολομῶν, ὃς τῆς ἀληθινῆς καὶ πρώτης σοφίας ἐραστῆς εἶπερ τις τῶν πάντων γενόμενος, καὶ τοῦ Θεοῦ πλεῖστα καὶ κάλλιστα δεηθεὶς, ὡς αὐτὸς οὗτος φησὶν, ὑπὲρ τοῦ κτῆσασθαι ταύτην καὶ τῶν εὐχῶν ἐπέτυχεν, εἶπερ τις τῶν πάντων, καὶ τοῦ μεγίστου τούτου καὶ ὑπὲρ ἄνθρωπον κτήματος ἐν περιλήψει κατέστη

еслибы не настояло твое понужденіе, непрестанно трогающее насъ укоризнами, какъ нѣкимъ жаломъ, и упорно требующее отвѣта, какъ бы нѣкоего важнаго и неотвратимаго долга; и вотъ, полагаясь на твою вѣру, которая, по священнымъ изреченіямъ (МѠ. XVII, 20. 1 Кор. XIII, 2), можетъ и горы переставлять, пристушимъ къ изъясненію предложенныхъ (тобою рѣчей), и всего надежнѣе потому, что отъ себя скажемъ немного и скудно, а больше отъ мудрыхъ тайнозрителей и отцовъ, любомудрствовавшихъ о томъ по дѣйствию и наученію отъ Духа Божія, какъ они имѣли нужду и воспринимать это и научать. Сказать же лучше, все—ихъ, отъ которыхъ и мы паучилась, если чему изъ потребнаго и научились.

2. Говорится, *Премудрость построила себѣ домъ, и на семи столбахъ утвердила его; заклала жертвы свои, и растворила въ чашь вино свое, и приготовила у себя трапезу.*

Это, какъ извѣстно тебѣ, слова священной книги Притчей. Творецъ же ея—мудрѣйшій Соломонъ, бывший, какъ едва ли кто другой, ревнителемъ истинной и первой мудрости, и, какъ самъ говорить (Прем. VII, 7. VIII—IX. сн. 3 Цар. 111, 5—14), прилежно и усердно молившій Бога о приобрѣтеніи ея, и о чемъ молился, то полу-

μετὰ παντὸς τοῦ βελτίστου. Πλήρης τοιγαροῦν ἐκεῖνος τῆς τοῦ Θεοῦ σοφίας γενόμενος, διαφόρους ἐξέθετο βίβλους. ἀρίστους τὲ καὶ κοινωφελεῖς τὰς πάσας τῶνόντι, καὶ πρὸς πᾶν εἶδος παιδεύσεως πεφυκυῖας. Φυσιολογοῦσι τε γὰρ ὀρθῶς καὶ δογματίζουσιν ἀπταιστώως, τὴν ἡθικὴν τε διδάσκουσιν ἀρετὴν μάλα λαμπρῶς, καὶ οὐδὲ θείας ἀπολείπονται προφητείας. Τὰ κάλλιστα μὲν οὖν ὡς μάλιστα καὶ τελεώτατα τῶν θειοτάτων προλέγουσι μυστηρίων, εἶπερ ἐκεῖνό γε τέλος ἀκριβὲς παλαιᾶς ὁμοῦ τὲ καὶ καινῆς καὶ πάσης τῆς κατὰ Χριστὸν ἀρρήτου καὶ θείας οἰκονομίας, τὸ νυμφευθῆναί φημι Χριστῷ τὴν πόρνην πρότερον ἐκκλησίαν, καὶ σῶμα γενέσθαι τῆς μεγίστης κεφαλῆς ἐκείνης τοῦ ἀσάρκου καὶ ἀσωμάτου δηλαδὴ ὅσον ἐπὶ τῇ πρώτῃ φύσει, καὶ ἄνθρωπον μὲν διὰ φιλανθρωπίαν τὸν Θεὸν χρηματίσαι, Θεὸν δ' αὖθις ὑπερφυῶς κατὰ χάριν τὸν ἄνθρωπον, ὑπὲρ οὗ φησι πᾶσα πράξις Χριστοῦ καὶ πᾶς λόγος καὶ ἅπαν μυστήριον. Σοφίας μὲν οἷον ἐκεῖνα γεννήματα πάντα τῆς θαυμαστῆς καὶ μεγάλης, ἣτις ἄρα καὶ θαυσιλῶς οὕτως χυθεῖσα καὶ πλατυνθεῖσα ἐν τῇ ἐκείνου καρδίᾳ, ἵνα καὶ ταῖς φωναῖς αὐταῖς ἐκείναις τοῦ σοφοῦ χρῆσωμαι, καὶ πρὸς ἡμᾶς ἐξεχύθη τοὺς ἔξω, καθαπερεὶ τις ὕδατος πηγὴ ξένη ζῶσα καὶ βρούουσα. Τὴν δὲ τῶν Παροιμιῶν ταύτην βίβλον Σοφίας ἔγωγε μᾶλλον ἢ προσηγόρευσα βίβλον, καὶ ταύτη τοῦνομα προσήκειν ἂν εἶπον εἶπερ τι, οὐχ ὡς τῆς σοφίας οὐση γνήσιον γέννημα μόνον· τούτου γὰρ δήπου καὶ ταῖς ἄλλαις ὡσαύτως προσήκεν· ἀλλ' ὅτι διδασκάλιον ἐστὶ τὸ

чиль какъ вѣрядъ ли кто изъ всѣхъ, и сталъ обладать симъ величайшимъ и превосходящимъ силы чловѣка стяжаніемъ вмѣстѣ со всѣми благами. Итакъ онъ, будучи исполненъ премудрости Божіей, составилъ различныя книги, превосходныя и всѣ дѣйствительно общепольныя и пригодныя ко всякому роду обученія. Ибо и о природѣ разсуждаютъ правильно и мыслятъ непогрѣшительно, и весьма ясно научаютъ доблести нравственной, не лишены и божественныхъ пророчествъ. Посему предсказываютъ о превосходнѣйшихъ воистину и совершеннѣйшихъ тайнахъ божественныхъ, потому что предрекаютъ оную конечную цѣль ветхаго и новаго и всего Христова неизреченнаго и божественнаго домостроительства, разумѣю уневѣститься Христу беззаконноавшей прежде церкви и содѣлаться ей тѣломъ великой оной Главы (Еф. V, 23. Кол. 11, 19), то есть безплотнаго и безтѣлеснаго относительно первой *) природы, содѣлаться Богу чловѣкомъ по чловѣколюбію и чловѣку опять Богомъ сверхъестественно по благодати, о каковой цѣли гласитъ вся дѣятельность Христа и вся проповѣдь (Его) и вся тайна (Христова—Кол. IV, 3). И такъ всѣ оныя порожденія чудной и великой мудрости, столь обильно

*) То есть—Божественной.

κατ' αὐτὴν ἀντικρυς πᾶν τῆς θείας σοφίας, ἀρχὴν ἐκείνης καὶ τέλος διδάσκον, καὶ ὅπως ἀσκητέον γε ταῦτα τοῖς βουλομένοις. Μᾶλλον δ' ἀρχὴν μὲν καὶ ἀσκησιν καὶ ἀγῶνας ἐκείνης· τέλος δὲ τοπαράπαν οὐδέν. Ἐπεὶ μηδὲ πρόσσεσι καὶ ὁποιοῦν οἰονοῦν ποτε τέλος τῆ τοῦ Θεοῦ μεγάλη σοφία. Καὶ προσέτι, πῶς μὲν δύσκολος καὶ ποικίλη τις ἢ κακία, ταυτὸν δ' εἰπεῖν ἢ κάκιστ' ἀπολλυμένη τῆς ἀνθρωπίνης ψυχῆς ἀπαιδευσία τὲ καὶ ἀναισθησία. „εἰς γὰρ ἄδου πυθμένα φέρει τὰ αὐτῆς φησὶ τέλη“. πῶς δ' εὐκόλως τε, καὶ ῥάστη καὶ διὰ πάντων ἀπλῆ καὶ εὐθεία τις ἢ πρὸς ἐκείνην φέρουσα τρίβος. „Αἱ γὰρ ὁδοὶ φησὶν αὐτῆς, ὁδοὶ καλαί· καὶ πᾶσαι αἱ τρίβοι αὐτῆς μετ' εἰρήνης.“ Καὶ οὐ μόνον „ἐκ πόνων ἐβρύσατο τοὺς ἀγαπῶντας αὐτήν,“ κατ' αὐτὴν ἐκείνην αὖθις εἰπεῖν, „ἀλλὰ καὶ ἐφύλαξεν αὐτοὺς ἀπὸ ἐνεδρευόντων μάλα καλῶς, καὶ ἀγῶνα ἰσχυρὸν ἐβράβευσεν αὐτοῖς. Αἱ γὰρ ἐξοδοὶ φησὶν αὐτῆς ἐξοδοὶ ζωῆς, καὶ ἔξολον ζωῆς ἐστὶ τοῖς ἀντεχομένοις αὐτῆς, καὶ τοῖς ἐπερειδομένοις ἐπ' αὐτήν, ὡς ἐπὶ Κύριον, ἀσφαλῆς.“ Ταῦτα μὲν οὖν καὶ τὰ παραπλήσια τούτοις ἦγε τῶν Παραομιῶν βίβλος καθόλου περὶ τῆς σοφίας διδάσκει, ποτὲ μὲν ὡς ἐκ προσώπου τοῦ συγγραφέως ἠθικῶς τε καὶ διδασκαλικῶς ποιουμένη τὸν λόγον, ὡς ὅταν ἀρχὴ σοφίας λέγη φόβος Κυρίου, καὶ τὸ, σοφία ἐν ἐξέδοις ὑμνεῖται, ἐν δὲ πλατείας παρήρησιαν ἄγει. Καὶ αὖθις· ἐὰν τὴν σοφίαν ἐπικαλέσῃ καὶ τῆ συνέσει δῶς φωνὴν σου. Καὶ πάλιν· ἀρχὴ σοφίας, κτῆσαι σοφίαν. Καὶ· ἐὰν σο-

излиянной и распространенной въ сердцѣ его, говоря самыми выраженіями мудраго (Еккл. 1, 17), переданы и намъ внѣшнимъ, какъ нѣкій необычный живой и неисчерпаемый источникъ воды. И я эту книгу Притчей охотнѣе назвалъ бы книгою Премудрости и сказалъ бы, что это имя приличествуетъ ей больше, чѣмъ какой другой, не въ томъ смыслѣ, что она одна только есть подлинное произведеніе Мудрости (такъ какъ поэтому оно приличествовало бы равно и другимъ); а потому, что она есть, прямо по заявленію Мудрости, во всѣхъ отношеніяхъ училище Божественной мудрости, которое научаетъ началу ея и концу, и тому, какъ надлежитъ подвизаться желающимъ этого; а лучше сказать—началу, упражненію и подвижничеству въ ней, конца же ей вовсе нѣтъ никакого, потому что и не предлежитъ какой бы то ни было конецъ великой мудрости Божіей. И еще (научаетъ), какъ прискорбна и ненадежна злоба, или что тоже къ жалкой гибели доводящая невоспитанность и огрубѣлость души человѣческой: потому что, говоритъ, *конецъ этого пути приводитъ въ дно адово* (XIV, 12); какъ, напротивъ, легко, удобно и во всемъ простъ и прямя путь, ведущій къ мудрости. Ибо, говоритъ, *пути ея—пути пріянные, и всѣ стези*

φὸς γένη σεαυτῶ, σοφὸς ἔση καὶ τοῖς πλησίον. Καὶ ὅσα τοιαῦτα. Ποτέ δ' αὖθις αὐτὴν τὴν σοφίαν εἰσάγουσα δι' ἑαυτῆς ὡσανεὶ λέγουσαν ταῦτα, Ἐγὼ ἡ σοφία κατεσκήνωσα βουλήν, καὶ ἔννοϊαν ἐγὼ ἐπεκαλεσάμην. Καὶ ἐμήφρησι βουλή καὶ ἀσφάλεια. Ἐγὼ τοὺς ἐμὲ φιλοῦντας ἀγαπῶ. Καὶ αὖθις· Κύριος ἔκτισέ με ἀρχὴν ὁδῶν αὐτοῦ εἰς ἔργα αὐτοῦ. Καὶ πάλιν ὅς ἐστιν ἄφρων, ἐκκλινάτω πρὸς με. Ἔλθετε, φάγετε τὸν ἐμὸν ἄρτον, καὶ πίετε οἶνον, ὃν κεκέρακα ὑμῖν. Καινὸν δὲ τοπαράπαν οὐδὲν, οὐδέ γε τῆς θείας Γραφῆς ξένον τὸ, συμβόλοις δὴ τισιν ἱεροῖς καὶ εἰκόσι καὶ παροιμίαις ἐν μυστηρίῳ τὰ θεῖα δῆπου πιστεύειν. Προφηταὶ μὲν γὰρ καὶ σοφοὶ καὶ θεολόγοι τῆς παλαιᾶς σχεδὸν πάντες αὐτοὶ τε συμβολικῶς ἐμυοῦντο τὰ θεῖα, καὶ τοὺς ἄλλους παραβολαῖς καὶ δράμασι καὶ συμβόλοις ἱεροῖς ἐδίδασκον ἐκείνων τὰ πλεῖστα. Ὡς ὅταν ὁ μὲν Ἡσαΐας εἶδον λέγῃ τὸν Κύριον ἐπὶ θρόνου ὑψηλοῦ καὶ ἐπηρμένου, καὶ σεραφίμ κύκλῳ αὐτοῦ. Καὶ αὖθις· ἀμπελῶν ἐγενήθη τῷ ἡγαπημένῳ ἐν κέρατι, ἐν τόπῳ πιόνι, ληνός τε καὶ πύργος καὶ ὅσα ἐξῆς. Καὶ τίς οὗτος ὁ παραγεγόμενος ἐξ Ἐδώμ, ἐρύθημα ἱματίων ἐκ Βοσόρ; καὶ ἵνατί σου ἐρυθρὰ τὰ ἱμάτια, καὶ τὰ ἐνδύματά σου ὡς ἀπὸ πατητοῦ ληνοῦ; Ὁ δ' ἱερός Ἰεζεκιήλ τὸν Θεὸν ὡσαύτως ἰδεῖν ἐπὶ θρόνου λέγεται καὶ νεφέλης, θρόνου καὶ στολᾶς καὶ ζώνας ἐκ πυρός τε καὶ χρυσοῦ καὶ ἡλέκτρου περιτιθεῖς τῷ φανέντι, καὶ προσέτι τροχοὺς κινουμένους καὶ ζῶντας, ὀφθαλμῶν ὁμοῦ καὶ πτερῶν πλήρεις, καὶ τὴν δοθεῖ-

я мирны (Ш, 17). И не только спасала любящихъ ее отъ бѣдъ, скажемъ опять еяже словами, но и весьма счастливо сохраняла ихъ отъ навѣтниковъ и въ крѣпкой борьбѣ давала имъ побѣду (Прем. X, 9—12). Потому что, говорить, *обрътеніе ея — обрътсїиіе жизни* (Прит. VШ, 35). Она — *дерево жизни для держащихся ея, и твердая защита опирающимся на нее, какъ на Господа*, (Притч. Ш, 18). Такъ, и подобно сему, книга Притчей учитъ вообще о мудрости, иногда отъ лица составителя ведя рѣчь нравоучительную, когда напр. говоритъ: *начало мудрости — страхъ Господень* (1, 7), и: *премудрость возлашаетъ на умицахъ, на площадяхъ возвышаетъ голосъ* (1, 20). И еще: *если будемъ призывать мудрость и взывать къ разуму* (11, 3). И опять: *начало мудрости — приобрѣтати мудрость* (ст. 7). И: *если ты будешь мудръ для себя, то будешь мудръ и для ближнихъ* (IX, 12). И прочее подобное. Иногда же опять вводя саму мудрость, какъ бы такъ говорящую лично: *Я, премудрость, обитаю съ разумомъ, и ищу знанія и разсудительности* (VШ, 12). И: *у меня, говорить, совѣтъ и правда* (ст. 14); *любящихъ меня я люблю* (ст. 17). И еще: *Господь содѣлалъ меня началомъ путей Своихъ въ зиж-*

σαν ἐπὶ τούτοις αὐτῷ κεφαλίδᾳ βιβλίου παρὰ φύσιν εἰς βρῶσιν, ἣν καὶ φαγῶν αὐτίκα καὶ πικρὰν εὔρε τὴν αὐτὴν καὶ ἡδίστην. Ὁ δὲ Δανιήλ παλαιὸν ἡμερῶν ὄρα τὸν Ποιητὴν τῶν αἰώνων, θρόνους τὲ καὶ βιβλία καὶ πυρὸς ποταμὸν, καὶ ἐπὶ τῶν νεφελῶν ἐρχόμενον ὡς υἱὸν ἀνθρώπου, καὶ θηρίων τινῶν μάχας πρὸς ἄλληλα, καὶ νίκας καὶ ἥττας, καὶ ὅσα τῆς ὀπτασίας ἐξῆς. Καὶ παρίημι τὰ πλεῖστα τῶν προφητῶν οὐ λόγοις οὐδὲ ὀράσεσι μόνον, ἀλλὰ καὶ πράγμασιν αἰσθητοῖς πολὺ τὸ συμβολικὸν ἔχοντα καὶ αἰνιγματῶδες. Ὡς ὅταν ὁ μὲν τις αὐτῶν πόρνην ἑαυτῷ προστάγματι Θεοῦ δηλαδὴ λαμβάνει γυναικα, καὶ πορνείας τέκνα γεννᾷ κατὰ τὸν ἐκεῖθεν χρησμόν· ὁ δὲ ξυλίνους ἑαυτῷ περιθεῖς κλειοὺς πρότερον, οὕτω τοὺς θεῖους ἐκδιδάσκει χρησμούς. Ὁ δὲ θαυμαστός Ἑλισσαῖος οὐ πρότερον ἐκ νεκρῶν ἐγείρει τὸν παῖδα, εἰ μὴ πρότερον ἐπιπεσὼν καὶ ὅλος ὄλῳ προσφῶς τῷ κειμένῳ, στόματι στόμα καὶ ὀφθαλμοῖς ὀφθαλμοῦς, καὶ πᾶν ἑαυτοῦ μέλος τοῖς νεκροῖς ἐκεῖνου μέλεσι προσαρμόσῃ· καὶ τοῦτο οὐχ ἄπαξ, οὐδὲ δις, ἀλλ' ἐπτάκις· καὶ οὕτως ὡς ἐξ ὕπνου τὸν κείμενον εὐθὺς ἀναστήσῃ. Ἀλλὰ καὶ Μωσῆς ἐκεῖνος ὁ μέγας, ἔν' ἐπὶ τὰ καθολικώτερα τὸν λόγον ἀγάγω, συμβόλοις καὶ τύποις ἅπαν τὸ μυστήριον τὸ κατὰ τὴν πρώτην διαθήκην καὶ μυεῖται καὶ μυεῖ τὸν τοῦ Θεοῦ λαὸν αὐθις. Ὅρα γὰρ φησι πρὸς αὐτὸν ὁ Χρηματίζων Δεσπότης· ποιήσεις πάντα κατὰ τὸν τύπον, τὸν δειχθέντα σοὶ ἐν τῷ ὄρει. Ὁ δὲ καὶ Παῦλος ὁ μέγας ὑποδεικνύς ὕστερον, σκιάν φησι

δουτηνότητι Своей (ст. 22). И опять: кто неразуменъ, пусть обратится ко мнѣ. Идите, пишите хлѣбъ мой, и пейте вино, мною растворенное (IX, 4. 5). Не ново-жѣ вовсе и не странно для священнаго Писанія—божественныя тайны выражать въ нѣкихъ священныхъ символахъ, образахъ и притчахъ. Потому что почти все пророки, люди свѣдущіе и богословы ветхозавѣтные, и сами посредствомъ символовъ воспринимали предметы божественные, и большинству ихъ научали другихъ посредствомъ иносказаній (притчей), представлений и символовъ. Такъ Исаія говоритъ: *видѣлъ я Господа на престолѣ высокомъ и превознесенномъ. и Серафимовъ вокругъ его* (VI, 1. 2). И опять: *у Возлюбленнаго былъ виноградникъ на отрогѣ горы, на мѣстѣ тучномъ, и точило и башня* (V, 1. 2)—и прочее. Такъ же: *кто это идетъ отъ Едома, въ червленыхъ одеждахъ отъ Вавсора* (2 XIII, 1)? И: *отъ чего одѣяніе Твое красно, и ризы у Тебя какъ у топтавшаго въ точилѣ* (ст. 2)? А святой Іезекіиль такъ же, говорится, *видѣлъ Бога на престолѣ и облакѣ, прибавляя къ сему видѣнію престолы, одежды и пояса изъ огня, золота и янтаря* (Іез. 1, IX, X), и къ тому еще колеса движущіяся и живыя, полныя очей и крыльевъ, и при этомъ

τῶν μελλόντων εἶχεν ὁ νόμος, οὐκ αὐτὴν τὴν τῶν πραγμάτων ἀλήθειαν. Ἐπὶ δὲ γε τῶν τῆς καινῆς διαθήκης καινῶν μυστηρίων, ἔνθα παρῆλθε μὲν ἢ τοῦ νόμου σκιά, χάριτος δὲ πάντα πλήρη καὶ ἀληθείας, τί χρὴ καὶ λέγειν, ὅπουγε τὸν Δεσπότην αὐτὸν ὀρωμεν τῶν μυστηρίων οὐ μόνον δι' αἰνιγμάτων καὶ παραβολῶν ὁμιλοῦντα τοπλεῖστον, ἀλλὰ καὶ τὰ μυστικά καὶ θειότατα συμβόλοις ἱεροῖς τοῖς ἀποστόλοις μυσθόντα. Καὶ πρὸς τοῦτο πολλά τε καὶ μέγιστα τῶν καθ' ἡμᾶς ἱερῶν μυστηρίων μετ' αὐτὸν ἐκεῖνον αὐθις ἐκεῖνοι τὰ μὲν τῆς παλαιᾶς καθυπερβολὴν ὑπερβαίνοντα πάντα, καθόσον δῆπου καὶ τὰς σκιάς φημι καὶ τὰς ἀμυδράς φαντασίας αὐτὰ τὰ ὄντα καὶ αἱ ἀλήθειαι τῶν πραγμάτων, οὐ μὴν, οὐδὲ τὸ συμβολικὸν ἀποβαλόντα καθάπαξ, ἀναγκαῖον ὡς μάλιστα καὶ πεφυκὸς ὄν, ὡσάν τις εἴποι, τῷ κοινῷ καὶ καθόλου τῆς ἐκκλησίας. Εἰ μὲν γὰρ νοῦς ἤμεν ἀπλοῦς τις καὶ μονοειδῆς μόνον, καὶ ἀπαθῆς ὄλωε τὴν φύσιν, ἀπλαῖς ἂν καὶ ἀπαθέσει ταῖς θεωρίαις τοῖς θείοις πράγμασιν ἐπεβάλλομεν μόνον, ἀμέσως ἐκ πρώτης καὶ δίχα τῶν ἐκεῖνοις ἐνούμενοι δῆπου κατὰ μίμησιν τῶν ὑψηλοτέρων τῶν καὶ ἄλλων νόων, ὅπερ ἔφη τις τῶν ὑψηλῶν θεολόγων. Ἐπεὶ δὲ καὶ τοῦτο κάκεινο πεφύκαμεν, καὶ τὸ μὲν ἐστὶ νοῦς, τὸ δὲ, πρὸς τὰς αἰσθήσεις καὶ τὰ κάτω πεφυκὸς βλέπειν, ἐκεῖθεν τὰς τῶν πραγμάτων φαντασίας συλλέγει, κἀντεῦθεν εἰς γε τὰ μεριστὰ διανοήματα καὶ τὴν ἐντεῦθεν καταγιγνώμεθα γινώσιν, διὰ τοῦτο καὶ συμβόλων αἰσθητῶν ἐξανάγκης χρῆζομεν

данный ему въ необычную снѣдь свитокъ книжный, который онъ тотчасъ сѣлъ и нашолъ его и горькимъ (11, 10) и сладкимъ (III, 3). Данилъ же видитъ Ветхаго днями, Творца вѣковъ, престолы и книги, и рѣку огненную, и на облакахъ идущаго какъ бы Сына челоѳческаго, и битвы нѣкѣихъ звѣрей между собою, и побѣды и пораженія (Дан. VII), и прочее, что въ видѣнїи. Опускаю многое у пророковъ, заключающее много символическаго и загадочнаго не въ словахъ только и видѣнїяхъ, а и дѣлахъ чувственныхъ. Такъ, когда одинъ изъ нихъ по повелѣнїю Божию беретъ себѣ жену блудницу и рождаетъ дѣтей блуда (Ос. 1, 2), по предреченїю; а другой, сперва возложивши себѣ на выю ярма, такъ изрекаетъ божественныя глаголы (Іер. XXVII, 2). Елисей же чудный не прежде воскрешаетъ отрока изъ мертвыхъ, какъ сперва легши надъ нимъ и приложивши уста свои къ его устамъ и свои глаза къ его глазалъ и всѣ члены свои къ мертвымъ членамъ его; и это — не однажды и не дважды, по семь разъ (4 Цар. IV). И такимъ образомъ тотчасъ возставилъ лежащаго какъ-бы отъ сна. Да и великїй оный Моисей (обращу рѣчь къ болѣе общимъ вещамъ) всякой тайнѣ перваго Завѣта и научается посредствомъ символовъ и образовъ,

καὶ εἰκόνων. "Ἰν' ἐπειδὴ τοῖς ὑπὲρ ἡμᾶς πράγμασιν ἀμέσως ἐπιβάλλειν οὐκ ἔχομεν, ὅπερ εἶπον, διόλου, λόγους καὶ πράγμασιν αἰσθητοῖς αὐθις διὰ τινων εἰκόνων καὶ τύπων καταλλήλως ἡμῖν αὐτοῖς ὁδηγώμεθα πρὸς ἐκεῖνα τὰ κεκρυμμένα. Οὐχ ἵνα τούτοις ἐναπομείνωμεν, εἰκόσι τὲ καὶ συμβόλοις ὡσπερ εἰ δευκότες· οὐδὲ γὰρ ἂν εἶεν ὁδηγοὶ τε καὶ σύμβολα, παρ' ἑαυτοῖς καθάπαξ κατέχοντα τοὺς παρεπομένους· ἀλλὰ χρῆ κατὰ τὸν μέγαν εἰπεῖν Διονύσιον αὐτὰ περιελόντας τὰ σύμβολα μετὰ τὴν αὐτῶν φημι χρῆσιν αὐτὰ καθ' ἑαυτὰ γυμνά καθορᾶν τὰ θεῖα καὶ τῆς ἱερᾶς ἐκείνων λαμπρότητος μετέχειν ἀξίως. "Ὅτι δὲ τὸ μὲν ἀπαθὲς καὶ ἀπλοῦν τῆς ψυχῆς, ὅπερ αὐτὸς ὁ νοῦς ἐστὶ καθαρθεὶς ἢ καθαιρούμενος τέως, ἀπλῶς τὲ καὶ ἀμερίστως πέφυκεν ἐνοῦσθαι τοῖς θεοῖς, αὐτοῖς ἐκεῖνοις τοῖς ἐντὸς κάλλεσι γυμνὸς παντὸς αἰσθητοῦ τοῦ προκαλούμετος γυμνοῖς ἐπιβάλλων, τὸ δὲ παθητικὸν ἐκείνης αἰσθήσει καὶ φαντασίᾳ χρώμενον καταφύσιν, διὰ τῶν προδεικνυμένων αἰσθητῶν ἐκείνων συμβόλων ἅμα τὲ θεραπεύεται καὶ πρὸς τὴν τῶν κεκρυμμένων λαμπρῶς εἰσάγεται καλλονῆν τε καὶ γνῶσιν, δῆλον ἐκεῖθεν. Οὐ γὰρ μόνον τὰ κεκρυμμένα καὶ ἀφανῆ διὰ τῶν φαινομένων συμβόλων ἢ θεῖα διδασκαλία, καθάπερ εἶπον, ἐκφαίνει, ἀλλὰ καὶ τοῖς ἐγνωρισμένοις καὶ δῆλοις πολλὰς εἰκόνας τινὰς καὶ σύμβολα διὰ πραγμάτων τὲ καὶ λόγων ἐπάγει, ὡς τῶν ἀνθρώπων φυσικῶς διὰ τούτων αὐτῶν μᾶλλον ὅπερ ἔφη ἐπαρμένων καὶ πειθομένων. Οὕτω τὸν θαυμαστὸν Ἰω-

и научаетъ, опять, народъ Божіи. Ибо говоритъ ему Владыка, повелѣвая: смотри, *сдѣлай все по образу, который показанъ тебѣ на горѣ* (Исх. XXV, 9. XXVI, 30). На это въ послѣдствіи указывая и великій Павелъ, говоритъ: *законъ имѣлъ, тѣнь будущихъ благъ, а не самую истину вещей* (Евр. X, 1). А о новомъ завѣтѣ новыхъ таинъ, когда престала тѣнь Закона, и все исполнилось благодати и истины (Іоан. I, 17), что и говорить? Тутъ видимъ, что самъ Владыка таинъ не только говоритъ много посредствомъ иносказаній и притчей, но и апостоловъ научаетъ таинственнымъ и божественнымъ предметамъ чрезъ священные символы. И къ сему, многія и величайшія изъ нашихъ священныхъ таинъ послѣ Него опять они (предали въ символахъ),— таинъ, несравненно превышающія все ветхозавѣтное, какъ самая дѣйствительность и истина вещей превосходятъ тѣни и неясныя очертанія, и однако вовсе не отбросившія символизма, совершенно необходимаго и, какъ сказать бы иной, свойственнаго общности и повсеместности Церкви. Потому что, еслибъ мы были какимъ либо простымъ умомъ и единовиднымъ (неизмѣннымъ) и всецѣло безстрастнымъ по природѣ, то простыми и безстрастными умозрѣніями только вос-

νᾶν ἢ θεία διδάσκει πρόνοια τὸ δίκαιον
 τῆς θείας φιλανθρωπίας, μετὰ τὸ φρικ-
 τὸν ἐκεῖνο ναυάγιον καὶ τὴν ἐκ τοῦ
 κήτους ἀνάδυσιν καὶ ὑπερφυᾶ σωτηρίαν
 ἀλύοντι καὶ τὴν ζωὴν ἀπολεγόμενοι
 διὰ τὸ ψεύσασθαι δῆθεν τὴν κατὰ
 τῆς Νινευὶ προφητείαν, κολακύνθη
 καὶ σκόληται καὶ τοῖς κατ' αὐτὰ συμ-
 βόλοις καὶ τύποις ἐναργέστερον ὥσπερ
 ὑποδείξασα τὸ θεοπρεπές ὁμοῦ καὶ
 φιλανθρωπον, καὶ οἷον ἀκόλουθόν τε
 καὶ ἐναρμόνιον τῶν γεγενημένων. Οὐ
 μὴν, ἀλλὰ καὶ Χριστὸς αὐτὸς μετὰ
 ταῦτα τῷ φαρισαίῳ πρόσδιελεγόμενος
 Σίμωνι, δυσχεραίνοντι τῆγε τῆς πόρνης
 ἀφῆ καὶ τῇ Χρίσει τοῦ μύρου, τὴν
 εἰκόνα τοῦ δανειστοῦ καὶ τῶν διττῶν
 ἐκείνων ὀφειλετῶν ἀναπλάττει, πρᾶγμα
 γεγονός ἤδη παρ' αὐτοῦ, τὴν τῶν
 ἀμαρτημάτων φημι τῶν πολλῶν τῆς
 γυναικὸς λύσιν, εἰκόνη καὶ συμβόλοις
 σαφηνίζων τῷ λόγῳ, ὡς μηδ' ἔχειν
 ὅλως ἐντεῦθεν μηδὲ γρύξει τοὺς ἀντι-
 λέγειν ἐπιχειροῦντας. Ὁ δὲ καὶ πρὸς
 τὸν βάσκανον ἀρχισυναγωγὸν ἐκεῖνον,
 τὴν συγκύπτουσαν θεραπεύων, ὡσαύτως
 ἐποίει, διὰ τὴν τοῦ σαββάτου λύσιν
 δυσχεραίνοντα δῆθεν. Καὶ τῶν Σαμα-
 ριτῶν δὲ συρρέοντων αὐθις μετὰ τὴν
 τῆς γυναικὸς πίστιν πρὸς τὴν ἐκεῖνου
 διδασκαλίαν, ἐπάρατε τοὺς ὀφθαλμοὺς
 ὑμῶν, πρὸς τοὺς μαθητὰς ἔλεγε, καὶ
 ἴδετε, ὅτι αἱ γῶραι λευκαὶ εἰσιν ἤδη
 πρὸς θερισμόν. Καὶ πάλιν. Ὁ μὲν
 θερισμὸς πολὺς, οἱ δὲ ἐργάται ὀλίγοι.
 Δεήθητε οὖν τοῦ Κυρίου τοῦ θερισμοῦ,
 ἵνα ἐκβάλῃ ἐργάτας εἰς τὸν θερισμόν
 αὐτοῦ. Καὶ ὅσα παραπλήσια τῆς θεϊ-
 κῆς ἐκεῖνου διδασκαλίας εἰκόσι καὶ
 συμβόλοις οὐ τὰ κεκρυμμένα καὶ ἀπόρ-

принимали бы божественные пред-
 меты, непосредственно съ перваго
 (явленія ихъ) и безъ символовъ
 соединяясь съ ними по примѣру
 высшихъ и невещественныхъ
 умовъ, какъ сказалъ нѣкто *) изъ
 высреннихъ богослововъ. А такъ
 какъ мы по природѣ и это и то,
 и одно есть умъ, другое, по при-
 родѣ обращаясь къ чувствами и
 предметами дольными, отсюда
 приобрѣтаетъ представленія о ве-
 щяхъ, и такимъ образомъ мы
 доходимъ до частныхъ мнѣній и
 засимъ до знанія, то понеобхо-
 димости имѣемъ нужду и въ
 символахъ чувственныхъ и въ
 образахъ. Такъ что, послѣку,
 какъ я сказалъ, мы совѣмъ не
 можемъ непосредственно прини-
 мать въ предметы, высшіе насъ,
 то словами и вещами чувстви-
 тельными тотчасъ чрезъ нѣкія подо-
 бія и образы соотвѣтственно
 намъ самимъ путеводемся къ
 тѣмъ сокровеннымъ вещамъ, - не
 чтобы оставаться при сихъ обра-
 захъ, какъ бы пропадая въ по-
 добіяхъ и символахъ (потому
 что навсегда удерживающее при
 себѣ почитателей не было бы
 путеводевающимъ и символичес-
 кимъ); но, скажемъ съ великимъ
 Діонисіемъ, надлежитъ, отрѣ-
 шившись отъ самихъ символовъ
 послѣ, то есть, примѣненія ихъ.

*) См. Діонисіа Ареопа. Онебесной
 Γεραρχίи, гл. 1. § 2. VII, § 1—3. Мак-
 сима Псинов. Примѣчанія на эту книгу.